

ХИТРОСТИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Владимир Малахов

Владимир Малахов — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской Академии Наук (ИФ РАН), автор книг «Скромное обаяние расизма» (2001), «Национализм как политическая идеология» (2005), «Понаехали тут» (2007)

■ *Согласны ли вы с Анжелой Меркель в том, что политика мультикультурализма провалилась, по крайней мере, в Европе?*

Насколько я помню, Ангела Меркель вела речь о Германии, а не о Европе в целом. Мне показалось, что канцлер лукавила. Упрекая выходцев из Турции в том, что они плохо интегрированы в немецкое общество, она как будто забыла, для чего в Германии придумали политику (и риторику) мультикультурализма. Как раз для того, чтобы помешать туркам стать частью немецкого общества. И отказ пересматривать устаревший, основанный на «праве крови» закон о гражданстве, и государственное субсидирование турецких школ, и словечко «gastarbeiter» — в течение четырех десятилетий все указывало на то, что в приезжих из Турции не видели новых членов общества. От них ждали, что они, отработав на благо немецкой экономики, вер-

нутся на родину. Как можно требовать интеграции — становления частью общества — от человека, которому отказывают в гражданстве, т. е. в полноправном членстве в этом обществе?

В разных национальных контекстах «мультикультурализм» обозначает разные вещи. В некоторых случаях мультикультурализм — это политика, способствующая поддержке сегрегации. Она адресуется одним категориям населения и не распространяется на другие. Например, для арабов в Израиле (или для тех же турок в Германии до 2000 года) — мультикультурализм, а для евреев (или для «этнических немцев» в ФРГ) — ассимиляция.

Мультикультурализм в этом случае — это поддержание различий, с тем чтобы данная категория, не приведи Господь, не захотела ассимилироваться. В Канаде мультикультурализм — это, прежде всего, официальное признание равного статуса франкофонного меньшинства с англоговорящим большинством (билингвизм и прочее). Здесь альтернативы мультикультурализму нет. Ею был бы выход Квебека из состава федеративного государства. Сходная ситуация в Индии. Попытаться навязать всему населению один культурный образец (как того

курс «признания» распространили на множество других «этнических меньшинств». Удобнее (в смысле дешевле) уважать разнообразие и инаковость (пусть сколь угодно надуманную), чем следить за реальным равенством в доступе к социальным ресурсам. Ту же компенсаторную функцию выполнял курс «уважения к различиям» и в некоторых странах Западной Европы, импортировавших его из Америки. Только здесь в роли «культурных меньшинств» выступали мигранты.

Наконец, в таких бывших империях, как Великобритания и Нидерланды, мультикультурализм означал переосмысление прошлого. От выходцев из бывших колоний, которым как бывшим подданным короны предоставлялось гражданство в метрополии, нельзя было требовать ассимиляции. Поэтому официальной позицией стал «культурный плюрализм». В британском случае поддержка плюрализма была в основном отдана на откуп частным структурам, в голландском — спонсировалась государством.

Впрочем, в нулевые годы маятник явно качнулся в другую сторону. Установка на «поощрение различий» сменилась установкой на

В нулевые годы установка на «поощрение различий» сменилась установкой на «интеграцию». Между тем не изменилось главное — вера в то, что корень проблем, связанных с иммиграцией, лежит в культурной плоскости

хотели бы активисты партии Бхаратья Джаната) означало бы развал страны. **В Соединенных Штатах риторика мультикультурализма — это символическая компенсация социально уязвленным.** Поначалу такой группой были чернокожие. Тезис о *black culture*, равновеликой культуре белого большинства, был подачкой афроамериканцам. Затем дис-

«интеграцию» (политкорректное имя для ассимиляции). Однако не изменилось главное — вера в то, что корень проблем, связанных с иммиграцией, лежит в культурной плоскости.

■ *Как поддержать демократию и управляемость в обществе, которое становится все более разобщенным?*

Источник проблемы, именуемой разобщенностью, не в иммиграции (хотя и она вносит сюда свой вклад). Проблема, которую англосаксонские коллеги именуют распадом «социальной связности» (social bond, social cohesion), сопровождает все *индустриальные общества*. Вспомним, когда Фердинанд Теннис зафиксировал переход от «Gemeinschaft» к «Gesellschaft». В последнюю треть позапрошлого века.

Говоря о компромиссе между группами, придерживающимися несовместимых ценностей, я позволю себе три комментария.

Во-первых, я совсем не уверен, что нужно вести речь именно о группах, т. е. о неких целостностях, объединенных вокруг культуры или религии. Когда мы так поступаем, мы принимаем *статистические единицы* за единицы *социального действия*. Например, если человек приехал из исламской страны, то он попадает под категорию «мусульманин». Но мы не задаемся вопросом: а как эта отнесенность к группе сказывается на его поведении, на поведении его детей? Часто вообще никак не сказывается. Две трети выходцев из стран Марокко во Франции и примерно столько же выходцев из Турции в Германии вообще НЕВЕРУЮЩИЕ. В то же время они не возражают против причисления себя к группе «мусульмане». Ислам для них – культурно-идентификационный маркер, знак идентификации. **Перед нами, таким образом, не группа в социологическом смысле. Это, скорее, категория статистики и, возможно, категория самоидентификации.** Но не категория, указывающая на наличие сплоченного коллектива с одной культурной лояльностью и одной идеологической ориентацией.

Во-вторых, если уж говорить о ценностях: с чего мы, собственно, взяли, что здесь имеет место несовместимость? Почему мы решили, что различия в этнической принадлежности обязательно сопряжены с различиями в культуре (в «ценностях»)? **По-моему, надо прекратить принимать медийные эффекты за отражение реальности.** Надо отдать себе отчет в том, что современный капитализм успешно стирает любые различия. И единственная культура, которую он, по-существу, допускает, есть культура консюмеризма. Наше телевидение очень постаралось, чтобы представить беспорядки в парижских пригородах осенью 2005 года как результат культурной несовместимости подростков магрибинского происхождения и «коренных французов». Только это обман. И у тех и у других – одни и те же ценности. Это ценности общества потребления. Хулиганы из пригородов демонстрировали отнюдь не свою культурную особость. Напротив, они демонстрировали свое желание быть такими, как все. И свой гнев по поводу того, что они такой возможности лишены.

И наконец, третье. На мой взгляд, упорная фиксация на культурном измерении проблемы иммиграции – это способ ухода (иногда невольный, иногда вполне сознательный) от решения социально-структурных проблем, связанных с иммиграцией, но ей не порождаемых. Предметом анализа должны быть в первую очередь такие вещи, как разделение труда (в том числе этническое), дискриминация, социальное исключение, маргинализация и т.д. ■

Беседовал Александр Павлов

С ПЛЮРАЛИЗМОМ ЕВРОПА НЕ В ЛАДАХ

ЙОРАН ТЕРБОРН – один из ведущих левых интеллектуалов, профессор социологии Кембриджского университета, постоянный автор издания «New Left Review». Автор книг: «Что делает правящий класс тогда, когда он правит?» (2008), «От марксизма к постмарксизму» (2008)

Европейская и международная англосаксонская традиция демократии исторически не в ладах с культурным плюрализмом и этническим многообразием. Например, в древней афинской демократии постоянно проживало большое число чужаков, например женщин и рабов, не обладавших гражданскими правами. До установления демократии в Европе существовала уникальная политика культурного тоталитаризма. Вестфальский договор, который в 1648 положил конец Тридцатилетней войне в Европе, оговаривал внутригосударственный компромисс, по которому за правителем сохранялось право выбирать религию своего народа. Поэтому не удивительно, что в Западной Европе больше проблем с культурным плюрализмом и этническим многообразием, чем в любой другой части мира.

В мире существуют благополучные демократии, основанные на принципах культурного плюрализма. Индия служит самым впечатляющим примером этого: дюжина основных языков, несколько алфавитов, две «большие» и множество «меньших» религий, древнее этнокультурное разделение

между Севером и Югом, не говоря уже о бесчисленных кастовых условиях и местных обычаях. Там бывали напряженные ситуации, конфликты и насилие, но независимая Индия, которая никогда прежде не была единой страной, за более чем шестьдесят лет не знала ни сепаратистских движений, ни подтасовок результатов выборов, а только мирный переход власти.

Так что демократии не свойственно вступать в противоречие с этническим разнообразием. Большинство граждан и почти все исследователи, скажем в Австралии, Канаде и США, согласятся, что в их странах демократия выгодно отличается активностью населения от тех времен сорок–пятьдесят лет назад, когда у власти были только белые.

Но ксенофобия и политики-ксенофобы по-прежнему остаются проблемой. Конкретное недовольство тех людей, которые в современном динамичном мире чувствуют себя неудачниками, следует принимать всерьез. Нужны адекватные политические и экономические меры для решения их проблем. В то же время демагогам и толпе надо давать беспощадный отпор. ■